

Владимир Давыдов

Филадельфийская история

Комедия из жизни высшего общества

По мотивам пьесы Филипа Барри
«Филадельфийская история»

Экранизация 1940 года
Премия «Оскар», 1941 год
6 номинаций · 2 победы

Владимир Давыдов

Филадельфийская история

«Автор»

2026

Давыдов В.

Филадельфийская история / В. Давыдов — «Автор», 2026

События классической комедии Филиппа Барри разворачиваются в загородном поместье богатого и влиятельного семейства Лорд. Главная героиня, ослепительная и избалованная Трейси Лорд, готовится во второй раз выйти замуж. Ее новый избранник — Джордж Киттредж, преуспевающий, но чересчур правильный и сухощавый мужчина из пролетариата, поднявшийся своими силами. Накануне свадебной церемонии идеальный фасад аристократической жизни дает трещину. Под видом знакомых семьи в дом проникают репортер желтого журнала «Destiny» Майк Коннор и фотограф Лиз Имбри. Масла в огонь подливает появление Декстера Хэйвена — харизматичного бывшего мужа Трейси, который всё еще испытывает к ней чувства. В атмосфере предсвадебного хаоса, пьянящего шампанского и ночных откровений Трейси предстоит пересмотреть свои строгие идеалы. «Филадельфийская история» — это искромётная, тонкая и остроумная пьеса о том, что за безупречной маской всегда скрывается живой человек, а настоящая любовь требует умения прощать.

© Давыдов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие переводчика и автора новеллизации	6
Главные и второстепенные герои	7
Место действия	9
Глава первая. Накануне свадьбы	11
Глава вторая. Незваные гости	20
Глава третья. Возвращение Декстера	29
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Владимир Давыдов

Филадельфийская история

Предисловие переводчика и автора новеллизации

Дорогой читатель!

Перед вами книга, имеющая необычную и блистательную судьбу. В её основе лежит одна из самых искромётных, тонких и элегантных пьес двадцатого века — «Филадельфийская история», написанная американским драматургом Филиппом Барри в 1939 году.

Большинству ценителей классического кинематографа эта история знакома по одному-единственному шедевру Голливуда 1940 года, собравшему созвездие звёзд первой величины — Кэтрин Хепбёрн, Кэри Гранта и Джеймса Стюарта, завоевавшему две премии «Оскар» и навсегда вошедшему в золотой фонд мирового кино.

Однако драматургическая форма, при всей её стремительности, оставляет за кадром главное — внутренний мир героев. На сцене и киноэкране мы видим лишь жесты, слышим быструю пикировку диалогов и замечаем внешние повороты сюжета. Но что происходит в душе «ледяной богини» Трейси Лорд, когда затихают аплодисменты предсвадебного вечера? О чём думает циничный репортер Мак Коннор, вглядываясь в лунную гладь бассейна? И какую боль скрывает за ироничной улыбкой её бывший муж Декстер Хэвен?

Работая над этой новеллизацией, я ставил перед собой цель превратить лаконичный сценический текст в полноценный классический роман. Сохранив весь искромётный юмор, ритм и неповторимый шарм оригинала, я постарался развернуть «подводную часть айсберга»: оживить закадровые сцены, наполнить пространство ароматами и воздухом аристократического загородного имения 1930-х годов и дать каждому персонажу голос для внутренних монологов.

«Филадельфийская история» — это не просто изящная романтическая комедия о любовном четырехугольнике накануне свадьбы века. Это глубокая и очень человечная история о преодолении гордыни. О том, как трудно порою сойти с пьедестала собственной безупречности, научиться прощать чужие ошибки и понять, что настоящая любовь невозможна без сострадания и чуткости к человеческим слабостям.

Приглашаю вас перенестись в уютное имение на Главной линии Филадельфии, где среди хрустальных бокалов с шампанским, ночных купаний под луной и светских скандалов решаются судьбы настоящей любви.

Владимир Давыдов

Главные и второстепенные герои

Сводная карточка главных персонажей пьесы «Филадельфийская история» с разбором их роли, арки и психологического типажа:

1. Трейси Лорд

Роль: Главная героиня, светская львица из высшего общества Филадельфии.

Характер: Умная, остроумная, волевая, но невероятно гордая и требовательная к людям. Находится на пьедестале собственной безупречности и ожидает от окружающих абсолютного идеала.

Арка в сюжете: Путь от «ледяной бронзовой статуи», не прощающей чужих ошибок (отца, первого мужа), к живой, уязвимой женщине, осознающей собственное несовершенство и способной на глубокое сострадание и прощение.

2. К. Декстер Хэвен

Роль: Первый муж Трейси, представитель того же аристократического круга, дизайнер и строитель яхт.

Характер: Обаятельный, ироничный, харизматичный плейбой. Умеет видеть людей насквозь и не боится говорить Трейси правду в лицо.

Арка в сюжете: Проходит путь от обиженного экс-супруга до мудрого защитника Трейси. Единственный, кто любит её настоящей (со всеми недостатками), а не как «идеальный трофей».

3. Маколей «Мак» Коннор

Роль: Журналист и репортер скандального журнала «Судьба», параллельно пишущий серьёзную художественную прозу.

Характер: Циничный, остролов, откровенный левак по взглядам, презирующий «праздных богачей».

Арка в сюжете: Попадая в дом Лордов, избавляется от классовых стереотипов. Переживает мгновенную влюбленность в Трейси, разглядев в ней за внешней спесью глубокую и страстную натуру, но в итоге поступает как благородный джентльмен.

4. Элизабет «Лиз» Имбри

Роль: Фотограф журнала «Судьба», напарница Мака.

Характер: Прагматичная, умная, наблюдательная и ироничная женщина с прекрасным чувством юмора.

Арка в сюжете: Давно и безответно влюблена в Мака. Спокойно и с пониманием наблюдает за его увлечением Трейси, оставаясь для него надёжной опорой и в конечном счёте получая его верность и любовь.

5. Джордж Киттредж

Роль: Жених Трейси, управляющий угольной компанией.

Характер: «Человек, сделавший себя сам». Серьёзный, амбициозный, правильный, но лишенный тонкости, юмора и благородства духа.

Арка в сюжете: Боготворит Трейси как символ высшего общества и идеал, но при первом же подозрении на ошибку превращается в мелочного и ханжеского судью, раскрывая свою собственную неполноценность.

Второстепенные, но важные персонажи

Сет Лорд: Отец Трейси. Неверный супруг, ушедший к молодой танцовщице. Своей жесткой правдой на предсвадебном вечере запускает в Трейси процесс переосмысления жизни.

Маргарет Лорд: Мать Трейси. Добродетельная, интеллигентная женщина, пытающаяся сохранить лицо семьи посреди скандалов.

Дина Лорд: Младшая сестра Трейси (13 лет). Эксцентричный, проницательный и озорной подросток, добавляющий искрометного юмора в семейные сцены.

Александр «Сенди» Лорд: Брат Трейси, работающий в журнале и вынужденный ввести репортеров в дом, чтобы скрыть скандал отца.

Место действия

География пьесы «Филадельфийская история» — это не просто декорации, а важный социальный и культурный контекст, на котором строится весь конфликт произведения.

Действие разворачивается в крайне специфической локации — на так называемой «Главной линии» Филадельфии.

1. Главная локация: Поместье семьи Лорд

Регион: окрестности Филадельфии, штат Пенсильвания.

Место действия: загородный дом Сета и Маргарет Лорд. Точный адрес в пьесе не указан.

«Главная линия» — историческое название престижных пригородов Филадельфии вдоль железной дороги. В пьесе эта среда определяет привычки и общественный круг семьи Лорд.

Атмосфера в новеллизации: загородный дом, террасы, сад и бассейн. Подробности оформления усадьбы представляют собой художественное развитие сценического пространства.

2. Социальные миры героев

География пьесы четко делит персонажей по их происхождению и формирует их мировоззрение:

Мир Трейси и Декстера — состоятельное общество пригородов Филадельфии, семейные связи, светские обязанности и привычная обеспеченность.

Уилкс-Барре связан в пьесе с будущим переездом Трейси после свадьбы с Джорджем. Конкретные обстоятельства детства Джорджа не следует выводить только из его работы в угольной промышленности.

Нью-Йорк связан с миром прессы и семейным скандалом Лордов. Точный адрес редакции в данном тексте пьесы не установлен.

3. Пространство авторского продолжения

Дополнительные места действия помогают расширить мир новеллизации, но не все они названы в пьесе Барри.

Ньюпорт, штат Род-Айленд:

Место действия авторского продолжения, посвящённого Трейси и Декстеру. Его не следует представлять как место действия оригинальной пьесы.

Саут-Бенд, штат Индиана:

В пьесе Мак рассказывает, что его отец преподавал в средней школе Саут-Бенда. Утверждение, будто Мак происходит из Бруклина или Нижнего Ист-Сайда, не подтверждается этим текстом.

География и атмосфера новеллизации

Контраст воздуха и запахов: Показать разницу между пыльным, суетливым Нью-Йорком и свежим, наполненным ароматом скошенной травы и хвои воздухом загородной Филадельфии.

Архитектурный шик: Подробно описать интерьеры поместья — дубовые панели, семейные портреты в тяжелых рамах, серебряные сервизы и хрусталь. На страницах книги это создает то самое ощущение «уютной аристократической классики», за которое читатели любят подобные произведения.

Глава первая. Накануне свадьбы

На семнадцатой благодарственной записке Трейси Лорд обнаружила, что в третий раз благодарит тётю за одну и ту же сахарницу.

Она поднесла листок к свету. За стеклянными дверями веранды лежало пасмурное июньское утро; ровный серый свет делал бумагу голубоватой, и от этого чернила казались ещё чернее. Исправлять было невозможно. В такой записке каждое слово должно было выглядеть так, словно возникло легко, от избытка нежности к дарителю. Зачёркнутая сахарница выдала бы всё.

Трейси скомкала листок и положила рядом с двумя предыдущими. Три одинаковых белых комочка выстроились на краю кресла. Это походило на соревнование, в котором она пока проигрывала.

— Дина, будь добра, подай мне список. Тот, на котором ещё можно что-нибудь разобрать.

Младшая сестра лежала на диване, согнув одну ногу и упираясь пяткой в подлокотник. Из-за длинных печатных листов виднелись только кончик носа и растрёпанные волосы. Она перевернула страницу, что-то перечитала и протянула руку к столику, не отводя глаз от текста. Пальцы прошли мимо списка, задели пустую чашку и остановились.

— Ты могла бы попробовать посмотреть, — сказала Трейси.

Дина опустила листы.

— Я думала, ты любишь, когда люди делают несколько вещей сразу.

— Только если хотя бы одна из них им удаётся.

Сестра села, нашла список под открытым конвертом и отнесла его к креслу. На коленях у Трейси лежала кожаная папка для письма. Она устроилась боком, вытянув ноги в светлых брюках, и писала с таким сосредоточенным видом, будто от благодарности за салатные вилки зависела судьба угольной промышленности Пенсильвании.

— Ты будешь в этом замуж выходить? — спросила Дина.

— Непременно. В кармане поместится кольцо.

— Хорошо бы. Все хоть удивятся.

Трейси подняла глаза, но Дина уже вернулась на диван. Разговор явно не стоил того, чтобы ради него прерывать чтение. Удивительно: ещё недавно младшая сестра могла полчаса наблюдать, как Трейси укладывает волосы, и каждую заколку принимала за часть великой тайны взрослой жизни. Теперь она смотрела на неё с опасливым любопытством, словно тайна раскрылась и оказалась не вполне приличной.

В соседней комнате передвинули стул. Послышался голос Томаса, дававшего распоряжения кому-то из слуг; за ним — осторожный звон стекла. Со вчерашнего дня дом жил чужими шагами. В комнаты вносили цветы, выносили мебель, двери то и дело оставались открытыми. Даже знакомый скрип доски в коридоре звучал чаще обычного. Трейси знала этот скрип с детства: если не наступить на самый край, доска неизбежно жаловалась. Сегодня никому не было до неё дела.

Завтра всё закончится. Уедут гости, исчезнут коробки, мать сможет перестать считать стулья. А сама Трейси будет уже не здесь.

Она прижала ладонью загнутый угол списка и написала имя следующей тёти.

Маргарет Лорд появилась из холла с тремя коробками в руках. Верхняя держалась наискось, нижняя упиралась ей в подбородок. Увидев мать, Трейси быстро переложила папку и поднялась, но та уже поставила ношу на стол.

— Не вставай. Если ты перестанешь писать, нам придётся благодарить людей на Рождество.

На щеке Маргарет остался след от острого края коробки. Она провела по нему пальцем, проверяя, нет ли царапины, и тотчас занялась лентами. Трейси посмотрела на её руки: тонкая кожа, короткие ногти, знакомое обручальное кольцо. За последние недели мать стала часто перебирать это кольцо. Сейчас пальцы были заняты узлом, и Трейси почувствовала к упрямой ленте почти благодарность.

— С подарками что-то случилось, — сказала Маргарет. — Карточки лежали отдельно. По крайней мере две. Я спрашивала Элси, но она уверяет, что никому ничего не передавала.

— Дай посмотреть.

Из первой коробки извлекли серебряное блюдо. Во второй оказалась ваза, тяжёлая и настолько прозрачная, что Трейси сначала увидела только пальцы матери, странно увеличенные стеклом. В третьей лежал небольшой футляр.

Маргарет разложила перед дочерью карточки.

— Если это от Генриетты, она обидится, когда мы назовём блюдо вазой.

— А если ваза от Генриетты, она обидится, когда мы назовём её блюдом. Придётся написать, что мы восхищены её выбором.

— Это ничего не значит.

— Зато безошибочно.

Маргарет посмотрела на неё поверх карточки. В уголках её глаз обозначилась улыбка, но она не успела развиться: из дивана донеслось возмущённое фырканье.

— Ну и мерзость, — сказала Дина.

— Пожалуйста, не о свадебных подарках, — попросила мать.

— Я не о подарках. Тут гораздо хуже.

Дина встряхнула свои листы. Они были узкими и длинными, со следами типографской краски на сгибах. Трейси только теперь заметила на полях карандашные пометки. Это были не газетные страницы и не урок, который сестра должна была готовить к осени.

— Где ты это взяла?

— У Сенди.

— В его комнате?

— Теперь там комната ребёнка. У них всё стало комнатой ребёнка. Даже там, где его нет. Маргарет отвлеклась от карточек.

— Дина, я просила тебя не трогать вещи брата. Особенно бумаги.

— Они лежали сверху.

— На чём?

Дина с минуту подумала.

— На остальных бумагах.

Трейси протянула руку. Сестра прижала листы к груди.

— Я ещё не дочитала.

— Тогда, возможно, дочитаешь вместе со мной.

У Дины был свой способ отдавать то, что ей не хотелось отдавать: она делала вид, будто её попросили об одолжении. Поднялась, старательно выровняла края корректуры и положила её на папку с записками. Потом осталась стоять у плеча Трейси, не оставляя сомнений, что право собственности признаёт лишь временно.

Наверху первой полосы стояло название журнала: Судьба.

Трейси не любила этого названия. В нём было что-то самодовольное: словно издатель уже разобрался в судьбах всех людей и позволял им узнавать о себе лишь небольшими порциями, за деньги. Она видела журнал в поездах, у зубного врача, на столах в гостиных, где хозяйки уверяли, что никогда его не читают. Он умел говорить о человеке так, что даже завязанный галстук становился уликой.

Её собственное имя однажды уже появлялось на таких страницах. Трейси помнила не статью целиком, а неловкость, с которой знакомая дама отвела взгляд, когда журнал раскрыли при ней. До этой минуты развод был её делом. Потом оказалось, что у незнакомцев тоже есть мнение.

Сейчас она пробежала первые строки и перестала слышать шаги в коридоре.

Имя отца было напечатано полностью.

Ниже появлялось другое имя — Тина Мара.

Трейси прочла ещё несколько строк, затем перевернула страницу. На втором листе её ждали подробности, которым в этой комнате не было места. Самым неприятным оказалось не то, что там сообщалось. Неприятным был тон: деловитая осведомлённость человека, уверенного, что ему позволено заглянуть куда угодно, а чужое смущение годится в качестве забавного окончания абзаца.

— Это уже вышло? — спросила она.

Маргарет перестала развязывать футляр.

— Что именно?

Трейси подняла глаза на сестру.

— Дина, я спрашиваю тебя.

— По-моему, нет. Сенди говорил по телефону, что это гранки. Или что-то такое. Он не думал, что я слышу.

Трейси сложила листы. Слишком аккуратно — она сама почувствовала это. Ей хотелось смять их, как испорченные благодарственные записки, но руки вместо этого совместили края и провели по сгибу.

— Это рабочие бумаги Сенди, — сказала она матери. — Я у него выясню.

Маргарет посмотрела сначала на дочь, потом на сложенную корректуру.

— Я умею читать, Трейси.

Ответ прозвучал негромко. Дина попятилась к дивану и уселась на самый край, впервые за утро поставив обе ноги на пол.

— Я не это имела в виду.

— Тогда дай мне.

Трейси протянула листы. Мать не взяла их сразу. Между движением дочери и её собственным возникла короткая задержка, и Трейси вдруг поняла, что Маргарет боится. Не догадывается, не старается сохранить спокойствие, а просто боится прочесть то, чего уже нельзя будет не знать.

Она могла бы сказать: «Не надо». Могла бы унести бумаги, позвонить Сенди, запереть в ящике. Любое такое действие далось бы ей легче, чем стоять и ждать.

Но Маргарет взяла корректуру сама.

Из холла выглянул Томас.

— Простите, мадам. Для завтрашнего приёма оставлять стол у восточных дверей?

Маргарет ещё не начала читать. Она повернулась к нему с облегчением, от которого Трейси стало больно.

— Пока оставьте. И спросите у садовника, что он думает о погоде.

— Он надеется на прояснение к вечеру.

— Хорошо. Надеюсь, у него есть основания.

Томас чуть наклонил голову и исчез. Мать посмотрела на окно, будто там могло обнаружиться подтверждение, потом опустила глаза на первую страницу.

Трейси вернулась в кресло. На папке лежал чистый лист с уже выведенным обращением. «Дорогая тётя...» Она долго смотрела на эти слова. Можно было продолжить прямо сейчас. В комнате по-прежнему были подарки, до свадьбы оставались сутки, от неё требовались простые, ясные действия. Достаточно взять перо.

Она закрыла его колпачком.

Маргарет читала стоя, положив одну руку на спинку стула. Дина делала вид, что рассматривает вазу. За дверями прошли двое мужчин, осторожно неся что-то тяжёлое; один попросил другого повернуть. Потом послышался глухой удар, и оба остановились. Обыкновенные звуки делали ожидание почти невыносимым.

— Как это попало к Сенди? — спросила наконец мать.

— Я узнаю.

— Он ведь не работает для этого журнала.

— Сейчас — нет.

Маргарет вернула бумаги. Её лицо не изменилось так, как ожидала Трейси. Она не побледнела, не прижала руку к губам. Только села, хотя ещё минуту назад казалось, что дел слишком много, чтобы позволить себе такую роскошь.

— Какая отвратительная манера, — произнесла она.

Трейси почувствовала прилив ярости.

— Манера? Мама, дело не в манере.

Маргарет подняла на неё глаза.

— Сейчас я говорю именно о ней.

Нужно было остановиться. Трейси это понимала. Мать имела право начать с того, что ей легче произнести. Но напечатанное имя отца стояло перед глазами, а рядом возникало другое воспоминание: Маргарет за обеденным столом в тот вечер, когда его впервые не оказалось дома. Она попросила убрать лишний прибор и тут же спросила Дину о занятиях. Трейси тогда поразились её выдержке. Позже стала сердиться на эту выдержку, как сердятся на незапертую дверь в доме, который хотят защитить.

— Если бы он хотя бы подумал, чем всё кончится...

— Он, вероятно, думал, — ответила Маргарет. — Только не так, как тебе хотелось бы.

— Это должно его оправдать?

— Я ничего не сказала об оправдании.

Трейси положила корректуру на стол лицом вниз. Движение получилось резче, чем она намеревалась; футляр качнулся и стукнул о блюдо.

— Завтра сюда придут все. Все, мама. Они будут целовать тебя, спрашивать о твоём здоровье, а сами...

Она оборвала фразу. Сказать вслух, что люди станут жалеть мать, оказалось почти так же жестоко, как позволить им это делать.

— Люди спрашивали о моём здоровье и до завтра, — сказала Маргарет. — Я пока справлялась.

Дина сползла с дивана.

— Я могла бы вернуть бумаги. Сенди даже не узнает.

Трейси посмотрела на неё. За всей утренней дерзостью обнаружилось испуганное желание исправить то, что сестра сама внесла в комнату. Она подобрала с ковра кусочек упаковочной ленты и наматывала его на палец, всё туже и туже.

— Оставь, — сказала Трейси уже мягче. — Ты тут ни при чём.

— Я же взяла.

— А писал кто-то другой.

Она протянула руку и распутала ленту. На пальце Дины остался красный след. Сестра отёрнула руку, словно забота при свидетелях была унижительнее выговора.

Маргарет взяла список гостей.

— Если будет дождь, я действительно не знаю, куда мы денем всех на приёме.

Трейси едва не возразила: какое значение теперь имеют дождь и гости? Но мать смотрела в список, и в её усилиях продолжать обычный разговор было больше достоинства, чем в любой готовой отповеди. Трейси села рядом и придвинула к себе лист.

Они стали считать.

Фамилии занимали ровные столбцы. У нескольких стояли карандашные крестики, у других — пометка о детях. Маргарет объяснила, кто не приедет, кто привезёт сестру и почему одну пожилую даму необходимо посадить подальше от другой. Дина слушала и время от времени предлагала решения, после которых число возможных ссор только возрастало.

— Их можно посадить вместе, — сказала она. — Они занялись бы друг другом и больше никому не мешали.

— Это моя свадьба, — заметила Трейси, — а не испытание нового оружия.

Маргарет рассмеялась. Совсем коротко, удивившись самой себе. Дина обрадовалась и предложила высадить враждующих дам в саду под одним зонтом. На этот раз улыбнулась и Трейси.

Несколько минут им удавалось быть просто семьёй, занятой слишком большим праздником.

Потом Трейси дошла до места, где в списке не было имени отца.

Она сама настояла на этом. Написать «Сет Лорд» и вычеркнуть было бы хуже, поэтому мать составила лист заново. Теперь отсутствие выглядело чисто и безупречно: ни кляксы, ни следа ластика. Трейси провела ногтем по краю бумаги.

— Папа всё-таки не приедет? — спросила Дина.

Маргарет подняла голову.

— Мы это обсуждали, дорогая.

— Я помню. Но обсуждать — ещё не значит знать.

— Он не приглашён, — сказала Трейси.

Дина посмотрела на неё с тем выражением, которое появлялось, когда старшая сестра путала правило с устройством мира.

— А если он всё равно приедет?

— Зачем ему это делать?

— Чтобы увидеть, как ты выходишь замуж.

Трейси отложила список. Ответ был настолько прост, что раздражал.

Она любила отца. Именно это мешало говорить о нём спокойно. В детстве ей достаточно было услышать его шаги в холле, чтобы бежать навстречу. Он всегда замечал, чему она научилась, — новому удару по мячу, смелости на лошади, умению не заплакать после падения. Даже когда хвалил с улыбкой, оставалось чувство, будто он доверяет ей больше, чем другим. Она привыкла к этому доверию и стала считать его взаимным.

Теперь ей предстояло объяснять Дине, почему взрослый человек мог дорожить семьёй и всё-таки причинить ей боль. Объяснения не было. Или было слишком много объяснений, а Трейси не желала принимать ни одного.

— У него была возможность подумать об этом раньше.

— О том, что ты выйдешь за Джорджа?

— Дина.

Маргарет произнесла имя младшей дочери без нажима, но та замолчала.

— Я хочу, чтобы завтра всё прошло спокойно, — сказала Трейси. — Неужели это такое необыкновенное желание?

— Нет, — ответила мать. — Только спокойствие не всегда получается устроить приглашениями.

Она снова занялась футляром. Узел наконец поддался. Под крышкой оказались две маленькие серебряные солонки, каждая на тонких ножках. Маргарет поставила их рядом, словно они нуждались в обществе друг друга.

Дина взяла одну и заглянула внутрь.

— Джордж любит солёное?

— Понятия не имею, — сказала Трейси и вдруг заметила, как это прозвучало.

Она знала о Джордже столько важного, что подобный пробел казался нелепым. Знала его работу, привычку рано вставать, ту редкую сосредоточенность, с которой он слушал вопрос, прежде чем ответить. Он не пользовался готовыми мнениями лишь потому, что их разделяли люди вокруг. Мог говорить с рабочими без снисходительности и с её знакомыми без робости. На первой встрече она ждала, что он начнёт объяснять своё происхождение; он вместо этого объяснил, почему одна из её идей о шахтах не годится. Трейси тогда рассердилась, а потом попросила рассказать подробнее.

Это было хорошее начало. Она до сих пор так считала.

Но любит ли он солёное, она не знала.

— Спросишь завтра, — сказала Дина, возвращая солонку на место. — У вас будет много времени.

В её голосе не было насмешки. От этого Трейси почувствовала странную неловкость.

— Именно, — ответила она.

Со стороны сада донёсся шорох дождя, но оказалось, что это ветер провёл по листьям. Трейси поднялась и подошла к стеклянным дверям. На ступенях веранды стояли горшки с геранью. Один повернули неудачно, прижав цветы к решётке; она машинально отметила, что его нужно переставить. Дальше тянулась дорожка, темневшая среди кустов. В конце видимой части человек в рабочей куртке поднял голову к небу, пожал плечами и продолжил своё дело.

Ей понравился этот жест. Не предсказание, не обещание — просто человек решил, что может работать и при такой погоде.

Когда-то Декстер умел пожать плечами точно так же.

Мысль возникла без разрешения. Трейси отступила от окна, словно могла тем самым оставить её за стеклом. За утро она уже несколько раз думала о первом браке, хотя дала себе слово не делать этого. Чем старательнее готовилась вторая свадьба, тем назойливее вспоминалось, как мало приготовлений понадобилось для первой.

Тогда всё решилось быстро. В этом была часть удовольствия: никто не успевал поправить их планы. Они знали друг друга давно и потому считали, что узнавать больше нечего. Трейси помнила дорогу, руку Декстера на руле, собственный смех, который мешал ей сказать что-то важное. Она не могла теперь вспомнить, что именно хотела сказать. Наверное, ничего такого, чего он сам не знал.

Впоследствии выяснилось, сколько всего они друг о друге не знали.

Декстер мог сделать вечер прекрасным, а потом одним замечанием испортить его. Она могла ответить так, что он переставал улыбаться. После ссоры каждый из них помнил собственную обиду с поразительной точностью и чужую — лишь приблизительно. Трейси не хотела возвращаться к этому счёту. В нём давно были подведены итоги.

С Джорджем можно будет договориться. Он относился к обещаниям серьёзно. Когда говорил, что приедет в определённый час, приезжал; если не соглашался, объяснял почему. После жизни, в которой веселое «посмотрим» слишком часто оборачивалось разочарованием, такая ясность казалась щедрым подарком.

Она посмотрела на обручальное кольцо матери и отвела взгляд.

— Ты ищешь машину? — спросила Дина.

— Нет.

— Я подумала, вдруг Декстер...

— У тебя удивительная привычка думать вслух.

— Это лучше, чем потом выяснять, что все думали, но никто не сказал.

Трейси уже приготовила ответ, когда в холле послышался голос брата.

Сенди вошёл быстро, остановился в дверях и, увидев сразу всех троих, улыбнулся с явным облегчением. Улыбка продержалась ровно до той минуты, пока он не заметил корректуру на столе.

— Вот где она, — сказал он.

Дина немедленно принялась поправлять диванную подушку.

— Ты это ищешь? — Трейси взяла листы.

— В числе прочего.

— Тогда ты пришёл вовремя.

Он посмотрел на мать. Маргарет сидела очень прямо, держа одну из солонок, словно ещё не решила, куда её поставить. Сенди провёл ладонью по волосам и закрыл за собой дверь.

Этот жест изменил комнату сильнее, чем всё, что было произнесено до него.

— Вы прочли?

— Достаточно, — ответила Трейси. — Объясни, почему это у тебя.

Сенди подошёл к столу, но не стал забирать корректуру. На нём был дорожный костюм, слегка помятый на локтях; под глазами залегли тени. Трейси хотела спросить о Сью и ребёнке, как спрашивала при каждой встрече в последние недели, но вопрос показался неуместным. Потом она пожалела об этом: прежде чем начать требовать объяснений, стоило хотя бы заметить, что брат устал.

— Прежде всего это не выйдет, — сказал он.

Маргарет поставила солонку.

— Ты уверен?

— Да.

— Каким образом? — спросила Трейси.

— Я виделся с Киддом.

Она ждала продолжения. Сенди посмотрел на свободный стул и наконец сел. До сих пор Трейси думала, что он принёс в дом чужую неприятность. Теперь стало видно, что он уже какое-то время носит её с собой.

— Я хотел поговорить с вами раньше. Не в последнюю минуту и без Дины.

— Тогда надо было прийти раньше, — сказала сестра.

Сенди взглянул на неё, но спорить не стал.

Он объяснял осторожно, возвращаясь к тому, что считал главным: статья снята; договорённость достигнута; семье не придётся читать напечатанный рассказ об отце. Трейси слушала и всё меньше верила в благополучный конец. Она знала брата достаточно хорошо, чтобы замечать, когда он слишком тщательно подбирает слова. Сейчас он ни разу не употребил слово «бесплатно», и именно оно стояло за каждой фразой.

— Что ты ему обещал?

Сенди потёр глаза.

— Возможность сделать другой материал.

Маргарет посмотрела на свадебные коробки.

— О свадьбе?

— О семье. О доме. О вас. Свадьба будет поводом.

Трейси ощутила, как ноготь упёрся в мягкую кожу ладони. Она разжала пальцы.

— Ты предложил меня взамен отца?

— Не так.

— Тогда объясни так, как есть.

— Я предложил им приехать сюда и увидеть что-нибудь, кроме того, что они сами выдумывают по телефону. Двое. Писатель и фотограф. Они проведут день, останутся на свадьбу. Никакой толпы с блокнотами.

В комнате стало тихо. Из-за закрытой двери донёсся смех, сразу оборвавшийся; кто-то, должно быть, вспомнил, что рядом хозяйки.

— Мы должны их пригласить? — спросила Маргарет.

— Они будут моими гостями.

— А мы должны улыбаться, — сказала Трейси.

Сенди посмотрел на неё устало и прямо.

— Я надеялся, что вы сможете быть с ними вежливыми.

Она поднялась. Долгое сидение с папкой на коленях вдруг отозвалось затёкшей ногой; первые два шага вышли неловкими, и это рассердило её ещё больше. Хотелось ходить быстро, говорить точно, заставить брата признать, что он не имел права решать за них. Вместо этого пришлось остановиться у стола и переждать неприятное покалывание в ступне.

— Ты хотя бы понимаешь, что завтра я выхожу замуж?

— Именно поэтому Кидду это интересно.

Ответ был честным. Трейси предпочла бы любой другой.

Сенди отвёл глаза к окну. Она подумала о его жене, оставшейся с младенцем, о звонках, поездке, разговоре с человеком, которого он не любил. Он ведь тоже мог сказать, что это не его дело. Мог оставить корректуру лежать среди других бумаг и позволить отцу самому объясняться с семьёй.

Это не давало ему права распоряжаться её свадьбой. Но мешало назвать его трусом.

Маргарет поднялась и подошла к дочери.

— Не будем говорить так, будто их уже впустили в спальню, — сказала она. — Это гости Сенди. Значит, мы примем их как гостей.

— Мама...

— Я прочла те же страницы, что и ты.

Трейси замолчала. На мгновение ей захотелось положить голову матери на плечо. Желание было настолько неожиданным и детским, что она вместо этого поправила край её воротника. Маргарет позволила ей это сделать.

— Как их зовут? — спросила Трейси.

— Маколей Коннор. И Элизабет Имбри.

Она повторила про себя имена. Пока в них не было лиц. Два чужих человека, которым предстояло смотреть на их дом, слушать их разговоры, замечать запинки и потом решать, что всё это означает. Трейси подумала о незаконченных записках, о солонках, о том, как мать ждала вопроса Томаса, лишь бы отложить чтение. Что из этого они увидят? Что сочтут смешным?

— Они знают, что нам известно, зачем они едут?

Сенди покачал головой.

— Я предпочёл бы пока этого не менять.

— Разумеется.

Дина выпрямилась на диване. В её глазах вновь появился интерес. Трейси заметила его и вдруг поняла, что сама уже перестала думать о предстоящем визите как о неподвижной беде. В чужом замысле оставалось место, которым можно было воспользоваться. Гости приедут с готовым представлением о них. Возможно, стоило помочь этому представлению раскрыться во всей красе.

Она ещё не знала как. И пока не собиралась объяснять Сенди, что задумалась об этом.

— Когда они будут здесь?

Брат задержался с ответом.

Трейси посмотрела на закрытую дверь, затем снова на него.

— Сэнди?

Из холла слышались незнакомые голоса. Один произнёс что-то негромко, другой ответил, и следом Томас попросил пройти дальше.

Сэнди поднялся со стула.

Трейси аккуратно положила корректуру под стопку поздравительных писем.

Глава вторая. Незванные гости

Дверь гостиной открылась прежде, чем Лиз успела снять с плеча дорожную сумку. В проёме показался Сенди Лорд. Он придерживал створку рукой, словно за его спиной продолжался разговор, который ещё можно было остановить.

— Минуту, — сказал он Томасу. — Спасибо. Я сам.

За дверью скользнула светлая юбка. Послышался быстрый шёпот, затем щелчок другой двери. Лиз перевела взгляд на Коннора. Тот смотрел на высокий потолок с выражением человека, которому уже приготовили слишком большой счёт.

— Проходите, — сказал Сенди.

Гостиная оказалась не той, какую Лиз представляла себе по дороге. Она ждала холодного блеска, строгой симметрии, мебели, на которую страшно сесть. Здесь возле кресла лежали бумажные комочки, на столе теснились коробки, а из-под диванной подушки торчал забытый карандаш. На рояле стояли фотографии в серебряных рамках. Одна из рамок чуть покосилась; рядом с ней кто-то оставил напёрсток.

Лиз заметила это прежде, чем мраморный камин и большие стеклянные двери. Человек, забывший напёрсток на рояле, представлял для неё больший интерес, чем человек, способный купить сам рояль.

Она поставила сумку возле стула.

— Можно здесь?

— Конечно. Вам её отнесут наверх.

— Не нужно. Там только то, что мне понадобится сейчас.

Камера висела у неё на шее. Лиз машинально проверила, не перекрутился ли ремешок. После поездки кожа нагрелась, а металлическая оправа объектива оставалась прохладной. Это было приятное, знакомое ощущение среди вещей, к которым она пока не знала, как относиться.

Коннор прошёл к дивану, но садиться не стал.

— Здесь все комнаты такого размера?

Сенди посмотрел на него.

— Нет. Есть меньше.

— Значит, надежда остаётся.

Лиз растянула сумку. Иногда лучше дать Маку договорить. Обычно после нескольких колкостей он начинал разговаривать по существу; если же остановить его раньше, колкости только набирали силу. Однако Сенди, очевидно, этого правила ещё не знал.

— Послушайте, — сказал он. — Я понимаю, что вы не выбирали эту поездку. Но мы тоже не заказывали вашего мнения о нас.

Коннор наконец перестал разглядывать комнату.

— Пока я говорил о потолке.

— Он едва ли вас оскорбил.

Секунду мужчины смотрели друг на друга. Лиз приготовилась вмешаться, но Мак усмехнулся — коротко, почти одобрительно.

— Хорошо. Потолок оправдан.

Он сел. Сенди остался стоять, затем всё-таки придвинул стул.

По дороге Лиз сочла его обычным любезным посредником: он встретил их, позаботился о вещах и рассказал, где они остановятся. Теперь усталость в его лице стала заметнее. Он не походил на человека, который с удовольствием показывает газетчикам семейное гнездо. И всё же сам привёз их сюда.

Это противоречие Лиз отложила в памяти. Пока не было причин выбирать самое неприятное объяснение.

— Может быть, начнём сначала? — предложила она. — Я обещаю не фотографировать потолок без разрешения.

Сенди улыбнулся.

— Его можно.

— Уже хорошо. У нас есть первый доброволец.

Мак достал из кармана несколько карточек. Они были исписаны на машинке и скреплены зажимом. Лиз знала их содержимое почти наизусть: сведения, собранные редакционными помощниками, фамилии, родственные связи, даты. Всё необходимое для того, чтобы не перепутать хозяина дома с его братом и не поздравить вдову с годовщиной свадьбы. И всё совершенно бесполезное, когда настоящий человек поворачивался к тебе лицом.

— Вы работаете в редакции, мистер Лорд? — спросил Коннор.

— В Сатердей ивнинг пост.

— Тогда вам не нужно объяснять, что такое поручение.

— Именно поэтому я надеюсь, что вы оставите себе право хоть немного удивляться.

— Чему?

— Тому, что не поместилось на этих карточках.

Лиз посмотрела на Маковы пальцы. Он чуть ослабил зажим, но карточки не убрал.

Ей нравилось, когда его встречали сопротивлением. Не потому, что она желала ему неприятностей. Мак слишком хорошо умел построить фразу, которая объясняла чужой характер прежде, чем тот успевал проявиться. Потом сам же начинал верить этой фразе. Возражение иногда помогало ему вернуться к человеку.

— А вы всегда так заступаетесь за потолки и родственников? — спросил он.

— В последнее время довольно часто.

В ответе не было шуток. Лиз заметила, как взгляд Сенди на мгновение остановился на стопке писем, и проследила за ним. Сверху лежал открытый конверт. Ниже виднелся край длинного сложенного листа, но прочесть что-либо было невозможно.

Она отвернулась. Снятая исподтишка бумага могла сделать карьеру её фотографии и испортить ей собственное отношение к этой карьере. Пока требовалось лишь не путать эти две вещи.

Коннор взглянул на очередную карточку.

— Дом старый?

— Этот — нет. Родители построили его, когда были моложе, чем я теперь. Старая постройка дальше по дороге. Вы увидите.

Лиз ещё раз осмотрела мебель. Некоторые кресла были старше дома и, судя по потёртостям, пережили немало владельцев. На столике возле окна стояло серебряное блюдо, которое ещё не успели распаковать до конца. Бумажная стружка зацепилась за ножку.

Она представила, как стала бы рисовать эту комнату: не прямо от дверей, а немного сбоку, чтобы стекло поймало серое небо, а коробки нарушили ровный край стола. Картина получилась бы теснее самой гостиной. Это было бы правильно. Большой дом, занятый одним близким событием, переставал казаться большим.

— Вы что-нибудь увидели? — спросил Сенди.

Лиз поняла, что слишком долго молчала.

— Свет, — ответила она. — Хороший свет для лиц. Пока облака держатся.

— Мать будет рада услышать хоть одно доброе слово об облаках.

— Не передавайте ей, что я желаю дождя.

— Постараюсь передать точно.

Мак перебрал карточки.

— Ваш будущий зять, по крайней мере, человек дела.

— Вы о Джордже?

— О нём. История впечатляет.

Сенди немного оживился. Лиз услышала в его ответе облегчение: наконец-то предмет, о котором можно говорить без оговорок.

Он рассказал о работе Киттреджа, о поездке в угольные районы, о том, какое впечатление тот произвёл на Трейси. Мак задавал короткие вопросы. Теперь в нём было меньше желания задеть хозяина и больше привычного профессионального внимания. Лиз знала этот поворот: когда дело касалось человека, сумевшего что-то изменить собственной работой, её спутник мог забыть даже о своих обидах на общество.

— Значит, ваша сестра поехала туда посмотреть предприятие, — сказал он, — а привезла жениха.

— Если вы спросите её, она объяснит, что одно совершенно естественно следовало из другого.

— А вы так не думаете?

Сенди улыбнулся сдержаннее.

— Я думаю, что вам лучше спросить её.

— Спросим.

Лиз посмотрела на Маковы карточки и подумала, что помолвка на бумаге выглядела ещё проще. Наследница, успешный управляющий, первая неудачная свадьба, вторая попытка. Между этими словами не оставалось места ни для одной случайной встречи. В действительности даже поездка сюда уже оказалась не такой, какой её обещали.

Сенди поднялся.

— Я скажу, что вы здесь. Вам принести что-нибудь?

— Кофе, если это никому не мешает, — ответила Лиз.

— Ни в малейшей степени.

Он направился к двери, но Мак остановил его:

— Они считают нас вашими друзьями?

Лиз ощутила неловкость прежде, чем увидела её на лице хозяина. Их присутствие было согласовано с Сенди; как именно он объяснил его семье, Кидд не счёл нужным сообщить. «Вас ждут», — сказал редактор. В его устах эта фраза всегда означала меньше, чем казалось.

— Я представлю вас сам, — ответил Сенди.

— Меня не совсем это интересовало.

— Знаю.

Он ушёл. Лиз проводила его взглядом.

— Приятный молодой человек, — сказала она.

— Ты так говоришь, когда собираешься сообщить мне, что я был неприятен.

— Удобно. Экономит время.

Мак бросил карточки на колени.

— Он не хочет, чтобы мы здесь были.

— Возможно, не он один.

— Тогда зачем это всё?

Лиз не ответила. Вчера Кидд сообщил ей о свадебной поездке тем же тоном, каким поручил бы снять новый мост. Когда она спросила, согласна ли невеста, он поправил название станции и перешёл к следующему делу. Можно было ещё раз задать вопрос. Лиз не задала.

Ей не нравилось вспоминать об этом сейчас, среди чужих подарков.

Мак откинулся на спинку дивана.

— Я утром снова пытался уйти.

— Из редакции?

- От Кидда.
- По телефону?
- Он сказал, что мы обсудим это после Филадельфии.
- До следующей поездки.
- Именно.

Они помолчали. Лиз вынула из сумки запасную плёнку и положила её в карман. Эту последовательность можно было повторять бездумно: проверить камеру, найти свет, дожидаться выражения лица. В ней имелись понятные правила. С людьми всё получалось труднее.

Лиз знала, что Мак действительно хотел уйти. Но он нуждался в работе и ещё больше сердился оттого, что нуждался. Порой казалось, будто всю злость, предназначенную редактору, он расходовал на тех, кого редактор посылал его описывать. Сами эти люди ни о чём не догадывались и в ответ обижались на репортёра.

Она подняла камеру и посмотрела на комнату через видоискатель, не нажимая на спуск. Рамки на рояле выстроились в тесный ряд. На одном снимке две девочки стояли рядом с лошадью; старшая придерживала младшую за воротник, словно та могла в любой момент попасть под копыта. Обе смеялись.

Лиз опустила камеру и подошла ближе.

— Кажется, вот наша невеста.

Мак не поднялся.

— Насколько юная?

— Настолько, что ещё не следила, как выглядит.

Он посмотрел на фотографию через плечо.

— У неё было преимущество. Ей не платили за наблюдение.

Лиз хотела ответить, но заметила портрет над камином. Степень её интереса изменилась так заметно, что Мак выпрямился.

— Что?

Она подошла к камину, остановилась, чуть наклонила голову. Ей захотелось увидеть живопись без отражения стекла; пришлось сделать полшага в сторону.

— Если это то, что я думаю...

— Дорого?

— Мак, иногда ты бываешь совершенно бесполезен.

— Значит, очень дорого.

Лиз не слушала. Она смотрела на лицо, написанное человеком, которого давно не было в живых, и снова испытывала знакомое смущение: в чужом доме, где картины занимали своё место между цветами и фотографиями, ей вдруг открывалось то, ради чего хотелось перестать торопиться. В редакции ценили снимок, который можно немедленно подписать. Этому лицу подпись не помогла бы.

— Мне понадобятся ещё две минуты, — сказала она.

— Нам заплатят и за них.

— Попробуй тоже посмотреть.

Мак поднялся, но в этот момент за стеклянными дверями веранды послышалось лёгкое постукивание каблучков.

Девочка появилась так, словно ждала музыки, чтобы войти, и наконец решила обойтись без неё. Она задержалась на пороге, подняла подбородок и протянула руку с тщательно выгнутым запястьем.

Лиз успела подумать, что ребёнок вырос среди взрослых, у которых было слишком много свободного времени для приветствий.

— Вы друзья Александра? — спросила девочка.

Имя прозвучало так торжественно, что Лиз не сразу сообразила, о ком речь.

— Сенди? Да. То есть мы приехали с ним.

— Как мило с его стороны.

Она сказала это с интонацией старой знакомой, благосклонно оценивающей поступок общего друга. Коннор отступил от дивана и представился. Девочка выслушала его полное имя, кивнула и сообщила своё:

— Диана Лорд. Дома меня называют Диной. Разумеется, это не одно и то же.

— Разумеется, — согласилась Лиз.

За тем, как аккуратно девочка располагала ладони и поворачивала голову, обнаружилось усилие. Лиз теперь смотрела внимательнее. Видимо, госте полагалось понять что-то чрезвычайно важное, но пока не удавалось догадаться, что именно.

Дина произнесла несколько приветственных слов по-французски. Произношение было лучше, чем её попытка изобразить рассеянность.

— Вы жили во Франции? — спросила Лиз.

— Когда была совсем маленькой. У взрослых тогда всё происходило по-французски, и мне приходилось приспосабливаться.

— Детям вообще нелегко, — заметил Мак.

Дина посмотрела на него, решая, не смеётся ли он. Лиз с удовольствием увидела, что определить это ей не удалось.

— Во всяком случае, я справлялась, — ответила девочка.

Она прошла к роялю, по дороге легко переступив через низкую скамеечку. Этот быстрый, уверенный шаг меньше всего походил на её церемонное появление. Лиз почувствовала желание снять именно его, но камера осталась внизу. Заставлять повторить движение означало бы потерять всё, что привлекло её в нём.

— Вы любите музыку?

— Смотря какую, — сказал Коннор.

— Тогда вам сейчас будет легче выбрать.

Дина села за рояль и взяла аккорд. Он вышел громче, чем она рассчитывала. Девочка бросила на них быстрый взгляд, после чего начала играть с удвоенной решимостью.

Песенка была совсем не той, какую Лиз ожидала услышать от юной дочери этого дома. Дина исполняла её с весёлым бесстыдством и старательно округляла гласные, явно подражая чьей-то манере. На последнем куплете она забыла несколько слов и заменила их мелодией, но недостаток памяти ничуть не повредил убеждённости певицы.

Мак посмотрел на Лиз. Впервые с момента приезда в его глазах появился настоящий смех.

Лиз приложила палец к губам.

Дина закончила решительным ударом по клавишам, резко повернулась к слушателям и едва не столкнула фотографию.

Лиз успела подхватить рамку. На снимке те же две девочки стояли у той же лошади.

— Спасибо, — сказала Дина совсем другим голосом.

— Не за что.

Девочка поправила рамку. На секунду исчезли и светская дама, и исполнительница; остался ребёнок, чуть не разбивший знакомую вещь.

Потом Дина вновь подняла подбородок.

— Это было очень давно. Я тогда ещё не умела понимать, какой у Трейси ужасный характер.

— А теперь умеешь? — спросил Мак.

— Теперь она не даёт мне забыть.

Лиз почувствовала, что девочка готова рассказать ещё многое, и уже решила, как перевести разговор, когда с веранды донёсся женский голос:

— Дина, мама тебя ищет.

Невеста вошла без той предварительной паузы, которой воспользовалась сестра. На ней было закрытое светлое платье с широкой юбкой; волосы убраны просто, у виска приколоты лента. Она остановилась возле рояля, увидела ровно поставленную фотографию и повернулась к гостям.

Лиз узнала её раньше, чем та представилась. Конечно, лицо было знакомо по снимкам. Но вживую прежде всего замечалась собранность: женщина успевала увидеть комнату целиком, хотя смотрела, казалось, на одного собеседника. Лиз невольно проверила, где стоят её сумка и открытый кофр.

— Трейси Лорд, — сказала хозяйка. — Простите, что заставила вас ждать.

Она пожала Лиз руку, затем Маку. Рукопожатие было коротким и уверенным.

— Вы пришли как раз к концу концерта, — сказал он.

— Значит, я опоздала меньше, чем боялась.

Дина встала из-за рояля.

— Мы прекрасно проводили время.

— Я слышала.

— И ты взяла мою ленту.

Трейси коснулась волос.

— Забери после обеда. Вместе с тем, что ты одолжила у меня на прошлой неделе.

Дина посмотрела на сестру с внезапным уважением к силе её памяти, затем повернулась к гостям.

— Мы ещё увидимся, — сообщила она. — В доме теперь почти невозможно не встретиться.

Она вышла через холл. Лиз отметила, что на этот раз девочка ступала совершенно обыкновенно.

Трейси предложила им сесть. Сама устроилась напротив, оставив между креслом и диваном ровно столько пространства, чтобы разговор казался непринуждённым. Лиз знала: эту меру трудно определить. Обычно либо приходилось подаваться вперёд, либо возникало чувство, что тебя отодвигают. Здесь всё было сделано правильно.

От этого стало немного не по себе.

— Я надеюсь, Сенди не обещал вам слишком спокойных выходных, — сказала Трейси.

— Мы пока не нашли даже карточку от одной вазы.

— Он предупредил о приготовлениях, — ответила Лиз.

— Очень благоразумно. О чём ещё он предупредил?

Вопрос прозвучал с улыбкой. Лиз открыла рот, но Мак ответил раньше:

— О том, что у вас хороший дом.

— В самом деле? От брата я обычно слышу другое.

Трейси взглянула на камеру.

— Можно посмотреть?

Лиз подняла Контактс, показала, как держит её при съёмке, и повернула объектив к свету.

— Она довольно маленькая. Удобно носить с собой.

— И люди забывают, что вы их снимаете?

— Иногда.

— Должно быть, так получаются лучшие фотографии.

— Не всегда. Иногда человек перестаёт прятаться, когда знает, что на него смотрят.

Трейси задержала на ней взгляд.

— Это вы сейчас о фотографии?

— Пока да.

Мак достал сигареты. Трейси придвинула к нему коробку со стола, затем поднесла зажигалку. Он уже успел чиркнуть спичкой и теперь держал два огня сразу. Одного следовало избавиться, но любой выбор делал его движение неловким. Лиз увидела, как он наконец наклонился к зажигалке, а спичку погасил.

Хозяйка приняла это как нечто само собой разумеющееся.

— А вы пишете, мистер Коннор?

— Когда удаётся.

— Сенди сказал, у вас вышли книги.

— Две.

— Я попросила их прислать. Надеюсь, сегодня получу.

На этот раз Мак замолчал всерьёз.

Лиз знала, как выглядит его молчание, когда он сердится, и как — когда кто-то неожиданно прикасается к предмету, о котором он предпочитает не говорить. Сейчас было второе. Он поправил манжету, взглянул на сигарету, будто хотел убедиться, что прикурил её, и только потом ответил:

— Это любезно с вашей стороны.

— Я ещё не прочла. Возможно, потом окажусь менее любезной.

Он поднял глаза. Лиз с некоторым облегчением заметила, что Мак снова способен улыбаться.

— Это тоже случается.

— Вам часто об этом сообщают?

— Чаще молчат. На продажах сказывается одинаково.

Трейси засмеялась. Смех оказался легче её приветствия, и на мгновение Лиз увидела в ней старшую девочку с фотографии. Потом хозяйка спросила о его имени.

Мак рассказал об отце, преподававшем историю, о школьных уроках и городе, где вырос. Обычно такие сведения получалось извлечь из него лишь понемногу, за месяцы. Теперь они следовали один за другим, потому что собеседница не оставляла пустого места между вопросами.

Она слушала внимательно. Именно это и мешало грубо уклониться: ни один вопрос сам по себе не выглядел недоброжелательным.

— А дома вас тоже называли полным именем?

— Только когда я делал что-нибудь, заслуживающее разбирательства. Для всех остальных случаев я Мак.

Лиз посмотрела на него с интересом. Ей он этой подробности не рассказывал.

— Значит, мне пока лучше говорить «мистер Коннор», — заметила Трейси.

— Смотря какой случай вы имеете в виду.

Впервые он успел вернуть ей вопрос. Лиз почувствовала слабое удовольствие, как при удачно пойманном движении. Но хозяйка уже повернулась к ней.

— А вы откуда, мисс Имбри?

Лиз назвала Дулут.

— Давно уехали?

— Достаточно, чтобы меня перестали узнавать в прежних магазинах.

— Жаль?

Вопрос удивил её своей простотой.

— Смотря в каких.

Трейси кивнула, принимая ответ без дальнейших объяснений. Лиз расслабилась слишком рано.

— Там ваша семья?

— Часть семьи.

— А муж?

Сигарета Мака остановилась на полпути к губам.

Лиз ощутила, как лицо чуть нагрелось. Не от стыда. Она давно перестала стыдиться короткого брака, в который вступила слишком молодой. Её раздражало другое: незнакомая женщина уже отыскала дверь, возле которой никто не должен был останавливаться без приглашения.

— У меня нет мужа, — сказала она.

— Простите. Я неверно поняла.

Трейси действительно могла остановиться. Лиз даже ожидала этого. Но пауза продлилась ровно столько, что уклонение оказалось заметнее правды.

— Был, — добавила она. — Давно.

Мак повернулся к ней.

— Ты была замужем?

— Представь себе.

В его лице было столько неподдельного изумления, что раздражение Лиз сменилось почти нежностью, а затем снова раздражением. Он знал, как она любит кофе, по каким признакам угадывает дождь и почему не следует трогать её камеру, даже чтобы помочь. Но сама мысль, что до их знакомства у неё была жизнь, застала его врасплох.

— Почему ты не говорила?

— Не было случая.

Он чуть нахмурился. Лиз ждала, что последует ещё вопрос, и вдруг поняла: ей хочется его услышать. Не здесь, не при хозяйке, но услышать. Удивление Мака придавало давно оконченному событию нелепую новизну.

Трейси подала ей пепельницу.

— Тогда вы знаете, что о первом браке все спрашивают так, будто он ещё продолжается.

Лиз приняла пепельницу и посмотрела на неё.

— Знаю.

На мгновение между ними возникло согласие. Оно не отменяло вторжения, но меняло его вкус. Хозяйка тоже знала этот вопрос изнутри. Возможно, именно поэтому считала, что имеет право задавать его другим.

Мак поднялся, прошёл за диваном и снова сел. Трейси проводила его взглядом. Лиз отметила движение, но впервые за долгое время не подумала, как оно выглядело бы на снимке.

— Вы работаете вместе? — спросила Трейси.

— Да, — ответил Мак.

— Удобно?

— Когда Лиз со мной согласна.

— Значит, нечасто, — сказала та.

Трейси улыбнулась.

— Зато вы, должно быть, хорошо друг друга знаете.

Лиз чуть не рассмеялась. Мак посмотрел на неё, и на этот раз они поняли друг друга без слов.

Со стороны холла показался Томас с кофейным подносом. Он остановился у стола, отодвинул коробку и поставил чашки, не нарушив ни одного из разговорных расстояний, которые так удачно определила хозяйка. Лиз благодарно взяла кофе. Возможность занять руки всегда помогала выбрать, о чём промолчать.

Трейси спросила, как прошла дорога, и они несколько минут говорили о поезде. Это была безопасная тема, но Лиз теперь слышала её иначе. Хозяйка позволяла разговору отдохнуть, как опытный игрок даёт противнику вернуть дыхание. Мак тоже заметил перемену. Он уже сидел прямо и отвечал с осторожностью, которую обычно оставлял для редактора.

— Вы часто бываете на свадьбах? — спросила наконец Трейси.

— Реже, чем хотелось бы, — ответила Лиз.

— Правда? Я думала, фотоаппаратам они быстро надоедают.

— Смотря что приходится снимать.

— А что вам хотелось бы?

Лиз посмотрела на собственную чашку. Можно было назвать свет, лица, детей под столом — всё, что не обидело бы хозяйку и не потребовало откровенности. Но вопрос задали так же просто, как прежде: «Жаль?» Она ответила раньше, чем успела выбрать безопасную фразу.

— Минуту, когда люди забывают, что им полагается быть счастливыми, и становятся счастливыми сами.

Трейси некоторое время молчала.

Лиз пожалела о сказанном. Слишком красиво. В редакции за такую фразу непременно потребовали бы пояснения, что изображено в левом углу.

— Надеюсь, завтра вам повезёт, — произнесла хозяйка.

На этот раз Лиз не сумела определить, была ли в ответе насмешка.

Из сада кто-то позвал Трейси. Она повернула голову к стеклянным дверям, и выражение её лица изменилось. До сих пор внимание хозяйки принадлежало им без остатка; теперь в нём появилось ожидание другого человека.

— Простите. Кажется, Джордж. Я приведу его познакомиться.

Она поднялась и вышла на веранду. За стеклом мелькнула широкая юбка, затем закрылась дверь.

Лиз поставила чашку. Кофе оказался почти нетронутым.

Мак смотрел на опустевшее кресло.

— Она нас знает, — сказала Лиз.

— Сенди представил.

— Ты понимаешь, о чём я.

Он вынул сигарету из пепельницы, обнаружил, что она погасла, и положил обратно.

— Возможно, она со всеми такая.

Лиз посмотрела на бумажные комочки возле кресла. До прихода Трейси они казались смешным беспорядком. Теперь ей хотелось знать, что хозяйка пыталась написать и почему не получилось. Это было совсем другое любопытство, чем то, с которым их сюда послали.

— Ты заметил, — спросила она, — что мы почти ничего не спросили?

Мак провёл пальцем по краю своих карточек.

— Я узнал, что ты была замужем.

— Только благодаря нашей невесте.

Он поднял на неё взгляд. Лиз ждала какого-нибудь привычного замечания — достаточно лёгкого, чтобы вновь спрятать всё под шуткой. Вместо этого Мак сказал:

— Ты могла бы рассказать.

Она поправила ремешок камеры, хотя он лежал ровно.

— А ты мог бы спросить.

За дверями веранды послышался мужской смех. Трейси ответила что-то, чего Лиз не разобрала. Потом её силуэт вновь появился за стеклом, уже рядом с высокой фигурой.

Лиз убрала сумку подальше от прохода и взяла камеру. Прежде чем открыть объектив, она посмотрела на Маковы карточки. Он всё ещё держал их на коленях.

— Прибереги для Джорджа, — сказала она. — Кажется, с ним нам предстоит начать заново.

Мак сложил карточки и убрал в карман.

Глава третья. Возвращение Декстера

Джордж ждал у ступеней веранды, держа шляпу обеими руками. Увидев Трейси, он поднялся ей навстречу, и она почувствовала облегчение: наконец-то человек, которому не нужно объяснять, зачем он здесь.

— Я не помешал?

— Пока нет. Но ты можешь помочь.

Он улыбнулся и выпрямился. Трейси нравилось это движение: Джордж был готов заняться делом прежде, чем узнавал, в чём оно состоит.

— У нас гости, — сказала она. — Сенди привёз двоих знакомых из Нью-Йорка.

— Я слышал голоса.

— Один пишет, другая фотографирует. Они работают для Судьба.

Джордж посмотрел на стеклянные двери.

— Вот как.

Его заинтересованность была такой явной, что Трейси пришлось подождать, прежде чем продолжить. Она ожидала раздражения, хотя бы удивления. Вместо этого он поправил манжету и спросил:

— На завтрашнюю церемонию?

— И на всё, что сумеют заметить до неё.

— Сенди договорился?

— Сенди договорился, — подтвердила она. — Только они думают, будто мы ничего не знаем об их работе. Пожалуйста, пусть пока так и останется.

Джордж нахмурился.

— А зачем скрывать?

— Я ещё не решила, как им объяснить, что гости отличаются от наблюдателей.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Тебе не хочется, чтобы о свадьбе писали?

— Мне хочется выйти замуж.

— Одно не мешает другому.

Возможно, он был прав. Именно поэтому Трейси стало трудно ответить. Она не могла пересказать ему за две минуты утренний разговор, корректуру и то, как мать держалась за спинку стула. И не хотела. Джордж знал о семейной неприятности достаточно, чтобы понимать отсутствие Сета; дать ему ещё и отпечатанные подробности казалось лишним унижением.

— Пойдём, — сказала она. — Я познакомлю вас. Постарайся понравиться мистеру Коннору: он не одобряет даже наши потолки.

— Значит, начнём с угля. Там потолки пониже.

Она рассмеялась и взяла его под руку.

Возле дверей Джордж задержался, чтобы пропустить её вперёд. Трейси на мгновение остановилась вместе с ним. За стеклом сидели двое людей, которые совсем недавно показались ей вторгшимися в дом чужаками. Теперь она возвращалась к ним со своим женихом, и необходимость представить его вдруг придавала встрече странную серьёзность. Словно ей предстояло не назвать имя, а подтвердить выбор.

Она открыла дверь.

— Мистер Коннор, мисс Имбри — Джордж Киттрэдж.

Коннор поднялся. Джордж пожал ему руку, затем поздоровался с Лиз. Та чуть отступила, освобождая место у дивана. Трейси заметила: камера уже была у неё в руках, но объектив оставался закрыт.

— Сенди рассказывал о вас, — сказал Коннор.

— Надеюсь, успел сказать что-нибудь полезное.

— Достаточно, чтобы я понял, почему ваше имя показалось знакомым.

Он упомянул прочитанную статью о работе компании. Джордж сразу перестал заботиться о том, как держит шляпу. Положил её на стул, придвинулся к собеседнику и уточнил, какую именно статью тот имеет в виду.

Трейси осталась рядом. Несколько минут назад Коннор ответил на её вопросы о книгах так, будто она застала его за чем-то постыдным. Теперь он говорил без запинок. Оказалось, что он помнит не только громкое заглавие статьи: помнит детали, которые в светском разговоре обычно пропускали.

Джордж отвечал с удовольствием. В его голосе исчезла та настороженная любезность, с которой он входил в чужие гостиные. Здесь было о чём спорить, и ему не требовалось заранее угадывать, что сочтут хорошим тоном.

— Главное было не обещать людям немедленного чуда, — сказал он. — Сначала пришлось разобраться, что мы вообще можем сделать.

Коннор задал ещё вопрос. Трейси не уловила всей технической стороны ответа, но помнила, как Джордж уже объяснял ей нечто подобное. Тогда он нарисовал на обороте конверта схему, а она долго хранила этот конверт в сумочке. Позднее выбросила: бумага истрепалась, и теперь всё равно можно было спросить его самого.

Она посмотрела на его руки. Крупные пальцы двигались осторожно, когда он показывал, как одно зависело от другого. На безымянном пальце не было кольца. Завтра появится.

Лиз поймала её взгляд и чуть улыбнулась.

Трейси отвела глаза. Ей не хотелось, чтобы эту мысль увидели со стороны раньше, чем она успела подумать её до конца.

— А потом приехала я и отвлекла его от важных дел, — сказала она.

Джордж повернулся к ней.

— Это ты называешь отвлечением?

— Если ты предпочитаешь более деловое слово, можешь подобрать.

— Я бы назвал это счастливым обстоятельством.

— Слишком осторожно, Джордж. Мистер Коннор записывает только исключительные события.

Коннор посмотрел на неё. Она успела увидеть в его лице короткую перемену, прежде чем он улыбнулся.

— Пока я ничего не записал.

— Прекрасно. Значит, мы ещё можем исправить первое впечатление.

Лиз поставила камеру на колени.

— Иногда оно исправляется без посторонней помощи.

Трейси хотела спросить, произошло ли это уже, но вошла мать.

Маргарет держалась так, словно спешила из комнаты, где всё шло превосходно, в комнату, где её давно ждали. За ней появилась Дина — теперь без попытки изобразить женщину света. Это насторожило Трейси больше, чем прежний концерт.

— Простите, я совершенно закопалась в списках, — сказала Маргарет. — Надеюсь, вам уже предложили кофе?

— Да, спасибо, — ответила Лиз.

Мать пожала ей руку и сразу спросила, удобно ли они устроились. Сенди как раз вернулся в гостиную и успел ответить за них, что вещи уже отнесли наверх. Трейси услышала, как тщательно он избегает слова «работа».

— Вы должны отдохнуть с дороги, — продолжала Маргарет. — Хотя сначала пообедаем. В этом доме легче устроить свадьбу, чем заставить всех прийти к столу одновременно.

— Я готова, — заявила Дина.

— Это мы знаем, дорогая.

Маргарет села рядом с Лиз. Трейси приготовилась помочь матери, если разговор коснётся отца, но та сама заговорила о нём — легко и почти весело.

— Жаль, мой муж ещё не вернулся. Надеюсь, скоро доберётся. У него дела в Нью-Йорке. Сенди замер возле столика. Дина перестала поправлять рукав.

Трейси узнала в материнской улыбке нечто новое и в то же время давно знакомое. Так Маргарет иногда смотрела на отца, когда тот после слишком подробного рассказа уверял, что всё было совсем просто.

— Он всегда кому-нибудь помогает, — добавила мать. — Особенно людям искусства. У них, говорят, с практическими делами хуже, чем у остальных.

Трейси прикусила губу. Улыбаться было нельзя, но невозможно было и не улыбнуться. Она весь день думала, как защитить мать, а мать уже нашла собственный способ пройти через комнату, не опуская глаз.

— Мистер Коннор тоже человек искусства, — заметила она.

— В таком случае вы понимаете, о чём я, — сказала Маргарет ему.

— К сожалению, довольно хорошо, — ответил он.

Лиз кашлянула. Сенди быстро предложил после обеда показать им дом и хозяйство, как будто экскурсия могла увести разговор на безопасное расстояние.

— И лошадей, — сказала Дина. — Некоторым нашим гостям всегда показывают лошадей, прежде чем позволят уехать.

— Тебя ведь не заставляют их сопровождать, — заметила Трейси.

— Зато лошадей никто не спрашивает.

Маргарет повернулась к младшей дочери, но объяснить ей разницу между остроумием и несвоевременностью не успела.

Из соседней комнаты донёсся сердитый мужской голос:

— Маргарет! Если вы собираетесь кормить меня завтра, предупредите сегодня!

Дверь распахнулась, и появился дядя Вилли.

Трейси потом не могла бы сказать, в какую именно секунду приняла решение. Она увидела дядюшкину руку на дверной ручке, заметила, как Лиз повернулась к незнакомцу, и уже знала, что сделает. Было что-то невероятно соблазнительное в возможности подменить действительность, которую чужие люди так рассчитывали рассмотреть.

Она шагнула ему навстречу.

— Папа! Наконец-то!

И поцеловала его в щёку.

Дядя Вилли отшатнулся ровно настолько, чтобы не потерять равновесия. Трейси не выпустила его руки.

— Ты как раз успел к обеду. Мы уже начали беспокоиться.

— Вот как? — произнёс он.

В голосе слышалось неподдельное недоумение. Это сделало его появление ещё убедительнее.

— Наши гости, — продолжала Трейси, поворачивая его к дивану. — Мисс Имбри и мистер Коннор. Приехали с Сенди. Останутся на свадьбу.

Коннор протянул руку.

— Рад познакомиться, мистер Лорд.

Дядя Вилли посмотрел сначала на него, потом на Трейси. В уголке его рта обозначилось движение, которое она знала с детства: он готовился либо произнести грубость, либо получить удовольствие. Иногда одно не исключало другого.

— У нас тут, оказывается, замечательное общество, — сказал он и пожал гостю руку.

Маргарет поднялась.

— Ты долго добирался?

Дядюшка скосил на неё глаза.

— Дольше, чем следовало. И с немалыми трудностями.

Дина сложила руки перед собой.

— Мы очень рады, что ты приехал, папочка.

Сенди отвернулся к окну. Его плечи дрогнули. Джордж неподвижно стоял возле стула со шляпой.

Трейси знала, что поступает нехорошо. Не из-за обмана самого по себе: на фоне соглашения с Киддом этот казался почти невинным. Она не спросила мать, готова ли та участвовать. Просто поставила её перед необходимостью улыбаться, и в этом оказалось слишком много сходства с тем, за что она сердилась на Сенди.

Но Маргарет уже подошла к дяде Вилли и взяла его под руку.

— Мне нужно объяснить тебе несколько перемен, — сказала она.

— Пожалуй, — согласился он.

Она отвела его к письменному столу. Трейси слышала начало тихого разговора, но не смогла разобрать слов. Мать держалась спокойно. Это успокаивало и одновременно мешало понять, не рассердилась ли она.

Лиз улыбнулась.

— Как хорошо, что он успел.

— Очень хорошо, — ответила Трейси.

Джордж наклонился к ней.

— Зачем? — спросил он почти беззвучно.

Она не посмотрела на него.

— Потом объясню.

— Трейси...

— Пожалуйста.

Он выпрямился. По тому, как сжалась его челюсть, Трейси поняла: просьба не сняла вопроса, только отложила его. Джордж терпеть не мог, когда происходило что-то, чего он не мог сразу назвать.

Эдвард внёс поднос с хересом. Томас последовал за ним, принял графин и начал наливать в небольшие бокалы. Трейси с тревожным удовольствием наблюдала, как он приблизился к дяде Вилли. Если кто-нибудь в этой комнате ещё мог невольно вернуть действительность на место, то только слуги.

— Благодарю, — сказал дядюшка раньше, чем Томас успел обратиться к нему.

Он взял бокал и посмотрел на Трейси поверх стекла.

Вот теперь он знал всё необходимое.

Она почти рассмеялась. Дина, почувствовав перемену, придвинулась ближе. В детстве они с Трейси умели понять друг друга по тому, как одна из них брала со стола лишнюю конфету. Сейчас возникло то же удовольствие от общей тайны. Трейси давно его не испытывала.

— А ты выросла, — сказал дядя Вилли Лиз. — То есть... я хотел сказать, никогда ещё не видел вас раньше.

— Я тоже, — ответила та.

— Уже что-то общее.

Маргарет слегка сжала его локоть.

— Сет, не утомляй гостей.

Дядюшка с явным наслаждением повернулся к ней.

— Как ты строга со мной, дорогая.

Дина прикрыла рот ладонью. Сенди поспешно поставил свой бокал. Джордж посмотрел в сторону веранды.

Трейси была довольна собой, пока не встретила взглядом с Коннором. Тот наблюдал за ней, а не за дядей Вилли. В его лице уже не было прежней растерянности. Он ещё ничего не знал, но что-то начал понимать — и, кажется, не считал это особенно забавным.

Она почувствовала досаду. Он явился сюда под чужим предлогом и всё-таки умудрялся смотреть так, словно неловкость создала исключительно хозяйка.

— Вы не пьёте? — спросила она.

— Мне ещё не предлагали.

— Томас, пожалуйста.

Коннор взял бокал, поблагодарил и больше ничего не сказал.

Трейси отвернулась. За стеклянной дверью показалась мужская фигура.

Сначала она увидела только движение за решёткой веранды: кто-то подошёл со стороны сада, легко миновав ступеньку, на которой гости обычно замедляли шаг. Потом различила плечи, поворот головы, руку, потянувшуюся к знакомой ручке.

Она знала, кто это, ещё до того, как дверь открылась.

Декстер вошёл с улицы, и в комнату потянуло прохладным воздухом. На подошве одного ботинка темнела влажная земля. Трейси заметила эту нелепую подробность с такой ясностью, будто именно она объясняла всё остальное.

Он не принёс ни цветов, ни дорожной сумки. Руки были свободны.

— Надеюсь, ещё не поздно? — спросил он.

Первым ответил Сенди:

— Декст!

В голосе брата прозвучала радость, которую тот не успел скрыть. Дина подалась вперёд. Маргарет освободила руку из-под локтя дяди Вилли.

Трейси осталась на месте. Она сама пригласила Декстера к обеду — коротко, почти вызывающе, решив, что сумеет встретить его так же спокойно, как любого соседа. Теперь её приглашение казалось поступком женщины, не вполне представлявшей себе устройство собственной памяти.

Потому что память уже узнавала его за неё. То, как он остановился, не мешая закрыться двери. Как посмотрел сначала на мать, потом на сестру, словно хотел убедиться, что обе в порядке. Даже этот короткий взгляд ей был знаком: прежде он смотрел так, вернувшись после долгого дня и ещё не решив, с чего начнёт рассказ.

— Это было необязательно, — сказала Маргарет.

— Что именно? Приходить или вытирать ноги?

Он посмотрел вниз и потёр ботинок о коврик у двери.

— Второе непременно, — ответила она. — Первое... Декстер, право же.

Он подошёл и поцеловал её в щёку. Маргарет не отстранилась. Трейси почувствовала укол ревности и тотчас рассердилась на себя: это была её мать, а не вещь, которую при разводе забыли разделить.

Дядя Вилли прочистил горло.

— Молодой человек, вы явились весьма некстати.

Декстер оглядел его и Маргарет.

— Вижу, здесь многое переменялось.

— Не делайте преждевременных выводов.

— Постараюсь. Хотя некоторые выводы выглядят очень соблазнительно.

Трейси сделала шаг вперёд.

— Мистер Хэвен останется к обеду. Томас, понадобится ещё один прибор.

Голос вышел ровным. Она была благодарна ему за это, как благодарят хорошо обученную лошадь, которая не шарахнулась, когда всадник на мгновение потерял уверенность.

Томас кивнул.

— Да, мисс Трейси.

— Ты видишь, — сказал Декстер Маргарет. — Всё уже решено.

Трейси указала на журналистов.

— Мисс Имбри. Мистер Коннор. А это К. Декстер Хэвен. Мы когда-то были женаты.

Она хотела произнести это как простое пояснение. Но собственное «когда-то» прозвучало слишком старательно, и Декстер поднял на неё глаза.

— Приятно познакомиться, — сказал он гостям.

Он пожал Коннору руку, затем поклонился Лиз. Та смотрела с любопытством, которое впервые за весь день не пыталась спрятать за камерой.

— Вы уже видели дом? — спросил Декстер.

— Только эту комнату, — ответила она.

— Тогда у вас многое впереди.

— Декстер прекрасно знает дорогу во все комнаты, — сказала Трейси.

— До тех пор, пока не переставляют мебель.

— Мебель здесь редко переставляют.

— Тем легче мне будет не заблудиться.

Она услышала, как Сенди вздохнул, и решила остановиться. Из этого обмена не следовало ничего, кроме очевидного удовольствия Декстера. Нельзя было дать ему понять, что его появление уже изменило весь разговор.

Джордж подошёл ближе.

— Хэвен.

— Киттредж.

Они пожали друг другу руки. Трейси с неожиданным вниманием следила за этим коротким действием. Джордж стоял прямо, чуть выдвинув плечо; Декстер немного наклонился к нему, как наклонялся почти ко всем, кого хотел рассмотреть. Один выглядел готовым к вопросу, другой — готовым переменить сам вопрос.

— У вас впереди большой день, — заметил Декстер.

— Завтра, — ответил Джордж.

— Судя по приготовлениям, началось уже сегодня.

Он взглянул на коробки, потом на Трейси.

— Ты справляешься?

— Прекрасно.

— Значит, нет необходимости предлагать помощь.

— Ты всегда умел выбрать удобную минуту, чтобы её не предложить.

Декстер улыбнулся. Но Трейси заметила, что улыбка возникла не сразу.

Это было небольшое, почти стыдное удовлетворение: она всё ещё могла попасть точно. И оно тут же испортило ей настроение. До его появления ей казалось, что прошлый брак существует где-то за пределами комнаты, среди давних бумаг. Теперь выяснилось, что его можно вернуть одной фразой.

Дина подошла к Декстеру.

— Ты надолго?

— Меня пригласили к обеду. Дальше всё зависит от моего поведения.

— Тогда, наверное, ненадолго.

Он рассмеялся и коснулся её плеча.

— Ты научилась здраво рассуждать.

— Я и раньше умела. Только меня не спрашивали.

Трейси наблюдала за сестрой. Утреннее упоминание Декстера казалось тогда простой попыткой её подразнить. Теперь в Динином лице было столько неподдельной радости, что сердиться стало труднее. Она не спрашивала себя, имеет ли право любить бывшего мужа сестры. Просто любила.

Джордж стоял рядом и ждал, когда Декстер закончит разговор с девочкой. Он тоже ничего не сказал. По-разному, но оба они оказались за пределами маленького круга, который образовался без них.

Трейси взяла Джорджа под руку.

Его ладонь сразу легла поверх её пальцев. Тёплая, сухая, уверенная. Она немного ослабила хватку, о которой до этого не подозревала.

— Мы только что говорили о работе Джорджа, — сказала она. — Мистер Коннор, оказывается, хорошо знает, что там было сделано.

— Я читал, — поправил журналист. — Это не совсем то же самое.

— Не у всех достаёт скромности признать разницу.

Декстер посмотрел на неё.

— Мне разрешается считать это общим замечанием?

— Тебе разрешается присоединиться к разговору.

— С удовольствием. Киттредж, как идут дела на шахтах?

Джордж ответил коротко. Декстер задал ещё вопрос — уже без видимой насмешки, со знанием дела, которого Трейси не ожидала. Она помнила, что он ездил туда с её отцом, но до сих пор эта поездка представлялась ей одним из многочисленных занятий человека, умеющего заполнить день так, чтобы не чувствовать себя обязанным ничему всерьёз.

Оказалось, он кое-что запомнил.

Джордж тоже это заметил. Его ответы стали длиннее. Несколько минут мужчины говорили почти дружелюбно, и Трейси почувствовала, как напряжение в плечах понемногу отпускает.

Затем Декстер сказал:

— Вам предстоит управляться и с предприятием, и с Трейси. Надеюсь, рабочий день у вас достаточно длинный.

Джордж перестал улыбаться.

Трейси убрала руку с его локтя.

— Я не предприятие.

— Разумеется. С тобой значительно интереснее.

— И совершенно незачем управляться, — сказал Джордж.

Декстер повернулся к нему. В его взгляде на мгновение появилось что-то, что Трейси не успела определить: удивление, любопытство или желание отступить.

— Это хорошее начало, — ответил он наконец.

Ей не понравилось слово «начало». Оно оставляло за ним право знать, что будет дальше.

— Не беспокойся, Декстер. Мы не намерены повторять всё то, что тебе знакомо.

— Я и не беспокоюсь.

Он сказал это легко, но теперь посмотрел в сторону сада. Трейси вдруг захотелось спросить, зачем он всё-таки пришёл. Её приглашение не было объяснением. Они оба могли бы сделать вид, что оно прозвучало из вежливости, и позволить друг другу не воспользоваться им.

Но разговор при свидетелях уже заставлял её выбирать слова по тому, как они будут выглядеть, а не по тому, что хотелось узнать.

Томас появился в холле.

— Обед подан, мадам.

Маргарет с готовностью поднялась.

— Прекрасно. Прошу всех.

Дядя Вилли поставил пустой бокал.

— Я начинаю думать, что меня всё-таки любят в этом доме.

— Не делай преждевременных выводов, — сказала Маргарет.

Он посмотрел на неё с одобрением и предложил руку. Мать приняла её. В их нарочито семейном виде было столько веселья, что Дина снова чуть не рассмеялась.

Трейси увидела, как Лиз потянулась к камере и остановилась. Возможно, та решила, что всё ещё недостаточно хорошо знакома с хозяевами. Возможно, впервые почувствовала неправильность происходящего. Обе причины были бы разумны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.